

О трудностях выражения невыразимого

Высоты творческого и молитвенного вдохновения, отражённые в образах древней русской живописи оказываются сложными и до сих пор непривычными... почти неприемлемыми для восприятия. Требуется навывкание в зрительном и чувственном соприкосновении, впечатлении увиденным и в символическом восприятии смыслов... Но более прочего – требуется то, чему и чем создан этот образ – молитвенной отзывчивости... - но тут мы уже находимся на грани или за гранью субъективных проникновений, личных отношений образа Божьего в человеке и Первообраза – Бога, - об этом нет возможности судить отвлечённо и не эти пересуды предмет нашего рассмотрения. Образ монументальной живописи создавался в пространстве и требует пространственного восприятия, требует уразумения, обретения смыслов в некоем объёмном изображении и непременно в совокупности символов Богослужения и храмовой литургической архитектоники. Более того, личное восприятие образа невозможно вне безусловного внутреннего участия человека в проявлении раскрывающегося символа. И здесь мы вновь приближаемся, а скорее – пребываем на тонкой и неопределиваемой образом и ничем иным - грани личных отношений человека и Творца. Но, увы, отстранённое от сущностного личного соучастия и прилежания к Первообразу, удалённо-любопытствующее познание и понимание – бесплодно и безнадёжны. Глядя на иконный образ со стороны, извне глухой замкнутости личным разумением, личным чувствованием, мы ничего не увидим... вообще ничего... и ничего не поймём. Не объять понимаемого, не слившись с ним сущностно, непритворною. Не понять, оставаясь на удалении вытянутых «рук», отстраняющих распростёртые объятия Господних рук, объемлющих нас.

Здесь же скажем ещё о значительном, очень принципиальном и почти непреодолимом затруднении в принятом на себя труде как-либо внятно выразить

видимое, – затруднение это связано с принципиальной несовместностью описательного метода и описываемого предмета - образа. Храм, как живущий организм, заложенной в него совокупностью архитектурных форм и образов, существует в соотношении и взаимном проникновении самых отдалённых смыслов, объединяемых литургией. Так образуется целостное и многогранное символическое единство пространственных форм интерьера, содержащего пространственную живопись в этих формах. Иконописные монументальные образы не локализованы на отдельных участках стен, не замкнуты в своей внутренней законченности, как некая картина. Живописные образы не просто дополняют живопись на смежных поверхностях стен, но составляют единое символическое пространство, связанное с назначением и осмыслением отдельных частей храма. Эти пространства связаны сопоставленностью или противопоставлением, взаимной обусловленностью композиций, перекликающимися взглядами ликов, направленных часто изнутри композиции к совершенно иной стене, в иную смысловую и сюжетную область. Общее образное пространство соткано в целостное единство динамикой развития сюжетов, логически перетекающих на физически удалённую, иную часть храма. Разрозненные, казалось бы, композиции, принимают на себя действенное влияние сюжетов отдалённых, представленных на противоположных стенах. Можно сказать, что вся монументальная живопись составляет целостный, неразделимый образный кристалл с равно значимыми (в каждой – образ Божий и часть целого), неразделимыми гранями – изображениями. Грани эти только отчасти живут самостоятельно, но воспринимаются и могут быть как-то описаны нами, осмыслены хоть сколько - то достаточно лишь в неотрывной связи с целым, - так, видимо, и замышлялись, и создавались они. Нельзя рассуждать об образе Спасителя в центральном своде нефа отдельно от этимасии – уготовленного престола, написанного в люнете. В целостном образе воспринимается восшествие Христа – Судии на этот уготовленный престол. Перед нами – динамика действия, лишь замеревшая на малый изображённый миг, но длящаяся в пространстве преподнесённых смыслов. Не помыслить о праведниках, предстоящих престолу – в отрыве от шествия жен, которое, в свою очередь не отделить от шествий, изображённых в арочном проходе в южный неф и в самом южном нефе. И шествия эти – не будут восприняты правильно в отъединении от шествования народа Божьего в Богослужебном следовании, в течении народа Божьего к Чаше Святых Даров. И совершенно не уяснить этих значений без личного, интимно-молитвенного соучастия в действии, преподносимом через видимый символ, без личного участия в таинстве, содержимом в образе, вмещённом в образ. Это личное деятельное, не фантазийное вмещение человеком себя в образ, в его глубину назовём во-ображением... за неимением иных слов к выражению указанного значения взаимоотношения человека с образным символом. Если символ есть мост, врата, ведущие к Первообразу, то наше вхождение этими вратами, наше усилие к проникновению назовём так: во-ображением. Подробнее об этом скажем далее, лишь упомянув здесь о грядущих трудностях рассмотрения и осознания изображённого.

Практически неодолимое затруднение в том, что сама вербализация впечатления подразумевает некий достаточно примитивный метод – простите – двумерного изложения последовательности слов, текста, сюжетов, описываемых впечатлений и мысли... Немощно слово и метод словесный немоществует адекватно передать полноту видимого, ибо говорит о невидимом, открывающемся «с той стороны» символа. И описываемый предмет никак не является фрагментарным или развивающимся линейно, простой

последовательностью образов и смыслов, соотносимой с простой последовательностью слов и словесных выражений.

Монументальный образ и символ устроения храмового пространства, объёмный, вне-временный, либо обусловленный сложнейшим переплетением времён событий изображаемых и явленных из пространства вне-мирного, не-от-мирного, в котором «времён уже не будет». Все части образа работают если не одновременно, то в некоей очень сложной нелинейной независимой взаимосвязи. О частях и связях этих надо бы говорить полифонично, но в этом контрапункте смыслов едва ли можно будет надеяться на уразумение чахламу человечьему левому полушарию. Не к нему обращён символ... но к сердцевине человеческого естества, взывая к отзывчивости. Сложно, почти непосильно бремя описания, самовольно взваливаемое нами на себя, ведь слово повествующее, сам метод вербализации – неизменно линейен, либо фрагментарен и мозаичен. Нельзя излагать пространственно о пространстве символа, говорить одновременно обо всём. Так невозможно линией описать пространства, времени и вертикали духовной, да ещё и явленной нам в обратной перспективе. Описательный вербальный метод по определению и по решаемой своей задаче – вторичен к предмету описания, который и сам, даже будучи частью утраченного целого, слишком полифоничен, архи-тектоничен и многогранен для одномерного представления о нём в канве слов, суждений и вторичных образов. Тут впору бы опустить руки и не начав труда. Отчего-то вспомнилось теперь из Лорки: «...оставьте меня в этом поле плакать...». Вот так, видимо, следует возроптать к небесам о себе, огреховленном, воз-ненавидеть удалённость от Господа в себе, возжаждать Пришествия Его преславного, воз-ревновать к Нему, нисходящему в образе Своём. Один на один человек с образом Божиим в себе перед образом, изображённым. Один на один перед с Господом, про-ображающим и пре-ображающем видимое в живописи, - здесь, - перед образом Страшного Суда... перед образом Рая.

Традиционные искусствоведческие и научные методы, описывая фрагмент иконного изображения, некоторую часть, атрибутируя её, толкуя – экзегетствуя о части, прослеживая эстетические и исторические законо-мерности, аллюзии и аналогии, связывают эту часть с иными частями в иных школах, странах и временах, эпохах, с иными даже явлениями культуры. Так научными исследованиями соотносят иконопись с литературой, скульптурой, предметами обихода и быта, историческими событиями, философскими концептами. Учёные ищут и обретают из изысканий своих словесные пр-образы в священных текстах, патрологии, предании. Нам бы здесь хотелось иного, попытаться говорить несколько о другом. Попробуем повествовать о пространстве живописи в монументальном образе, о его взаимосвязях как с утилитарным, функциональным своим – прямым назначением, Богослужением, так и с пространством объёмного символа, вовлекающего человека, находящегося вблизи него и в нём самом – как бы внутри образа. Итак, не имеем возможности и сил говорить одновременно обо всём... не имеем иного инструмента, кроме словесного. Ухватимся же за спасительную веточку, помысел – за надежду хоть как-то описать образ – через действенный символ, приблизившись к нему... прикоснуться к нему – так же, образно, символом словесным... позволяя себе порой поэтические рефлексии. И да не оправдаем поэтической немощи перед великолепием живописного символа, образа живого. Благо, что словесность дарованная нам велика и обильна опытом символического уяснения и выражения

сущности, не выразимой иначе. Не дерзая соперничать с достойнейшими образцами произношения словесного дара, лишь пользуясь неумело унаследованным, начнём, с Божией помощью. Начнём рассмотрение образного пространства сверху – вниз, последовательно выстраивая логическую вертикаль, сочетаемую с ярусным развитием живописных композиций. И не думаю, что при линейном повествовании удастся избежать то мысленного, то восторженно-впечатлённого, увлечённого и частого «перебегания» между видимыми стенами, раскрывшимися образами в мир невидимый. И начнём, пожалуй, с помощью Господней... или с попусшением Его – нам.